Языковой портфель, таким образом, является своего рода «зеркалом» процесса изучения иностранного языка. В нем посредством рефлексивной самооценки учащихся отражаются основные компоненты этого процесса, что способствует созданию условий для развития их учебной компетенции и автономии. Создание языкового портфеля – на сегодняшний день необходимое условие успешного изучения иностранного языка. Работа над созданием языкового портфеля повышает мотивацию учащегося к изучению языка. Языковой портфель позволяет вывести на новый уровень самостоятельную работу учащихся.

Список литературы:

1. Беркалиев Т.Н., Заир-Бек Е.С., Тряпицына А.П. Инновации и качество школьного образования. Каро, СПб, 2007.
2. Кудрявцева Е.Ю. Использование языкового портфеля в изучении немецкого языка как второго иностранного. // Иностранные языки в школе. – 2007. – № 7 (22).
3. Лабазина Л.Н. Европейский языковой портфель – средство оценки и самооценки знаний учащихся оп ино странным языкам. // Ярославский педагогический вестник. – 2003. – № 2 (35).
4. Поляков О.Г. Самоконтроль в обучении английскому языку. // Иностранные языки в школе. – 2005. – №7 (48).
5. Соколова Л.А. Рефлексивный компонент деятельности как необходимое условие развития учителя и учащихся. // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 1 (19).
6. Сороковых Г.В., Шумова И.В. Методический портфель студента-практиканта как способ формирования профессиональной компетентности будущего учителя иностранных языков. // Иностранные языки в школе. – 2007. – № 1 (54).
7. Тамбовкина Т.Ю. Самообучение иностранному языку как основная составляющая языкового самообразования. // Иностранные языки в школе. – 2005. – № 5 (76).
8. <http://www.native-english.ru/grammar>
9. <http://studyfun.ru/>
10. <http://www.homeenglish.ru/Proverbs8.htm>
11. <http://iloveenglish.ru/topics> 12. ru.wix.com

**Фонетические средства выражения эмотивности в художественном тексте
(на примере разносистемных языков)**

*Зотова Н.В., соискатель,
Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета,
г. Нерюнгри
E-mail: tyurikalova@mail.ru*

*Научный руководитель:
д.филол.н., доцент Кондратьева Н.В.*

Живая речь обладает способностью ярче выразить эмоции нежели ее письменный аналог. Однако, считать письменную речь менее эмотивной

несправедливо, так как различия в репрезентации эмоций связаны в большей степени с различными механизмами реализации эмотивной функции в тексте. Достаточно точное описание прагматической составляющей устной и письменной речи встречается у И.Р. Гальперина: «письменный текст всегда прагматичен, как, впрочем, и всякая речь. Но письменный текст не всегда столь прямолинейно и непосредственно раскрывает свою целенаправленность, как это имеет место в устной речи. Интонация, мимика, жесты, самый тип общения (диалог) выявляют намерения говорящего с достаточной очевидностью, в то время как в письменной речи, в особенности в определенных типах текста, это намерение еще нужно распознать» [2, стр. 16]. Иными словами, некоторые средства и способы выражения эмотивности, активно используемые в устной речи, не могут столь же успешно применяться в художественных текстах, что тем не менее не отрицает возможности использования в письменных текстах других средств выражения эмотивности. В целом, письменная речь может быть более продуктивной именно в плане выражения эмоций, максимально точного доведения их до адресата благодаря тому, что автор имеет возможность более точно реализовать свои интенции, заблаговременно продумав эмоции, которые будут выражены в тексте.

Одним из самых эффективных средств выражения эмоций в устной речи большинство ученых признает интонацию (Ш. Балли, В.И. Шаховский, Н.Б. Мечковская, В.К. Харченко, И.П. Павлючко, О.В. Александрова, Н.Ю. Шведова и др.). Например, выражение эмотивности в устной речи по мнению Л.М. Васильева возможно, прежде всего, с помощью нелинейных (суперсегментных) единиц второго уровня фонетической абстракции [1], в частности, с помощью просодем и интоном. В.К. Харченко утверждает, что «основную долю эмоций мы выражаем не при помощи специализированных слов-сигналов, а параллельно, совместно с передачей информации. Ведущая роль здесь принадлежит интонации» [8, стр. 71], а Н.Ю. Шведова рассматривает интонацию как «универсальное средство выражения самых разнообразных субъективно-модальных значений». Мелодика, тактовое и фразовое ударение, паузы, темп, ритм и тембр речи входят в понятие интонации и служат для выражения эмоций говорящего в устной речи.

Однако в письменной речи полноценно отразить тонкости фонетического оформления речи крайне трудно. И.П. Павлючко, поддерживая точку зрения Ш. Балли о способности интонации придавать эмоциональность практически в любой фразе [6], отмечает также, что след интонации в письменном тексте ощутим, прежде всего в синтаксисе.

Интерес представляет и позиция В.А. Масловой, по мнению которой практически все тонкости интонации могут быть переданы в письменном тексте с помощью графических и графико-пунктуационных средств. Признавая, что в случае с письменным текстом правильнее было бы говорить о графической выразительности нежели о фонетической, В.А. Маслова, тем не менее, акцентирует внимание на том, что «писатели всегда учитывают фонетический облик текста, рассчитывая на его произношение» [5, стр. 62]. Е.В. Чупракова, Е.С. Попович также отмечают, что интонация и просодия выражаются в текстах, как правило, графическими средствами и изменением типографских шрифтов [9, стр. 337]. Однако, стоит добавить, что для передачи интонации также могут успешно использоваться и синтаксические конструкции, и лексические единицы. То же может быть применимо и к кинесике, которая может считаться одним из эффективных средств выражения эмоций на невербальном уровне, но оказывается беспомощной при использовании в письменной

речи. Такая своеобразная компенсация, по мнению Е.В. Чупраковой и Е.С. Попович, говорит о неэффективности использования фонетических средств в письменном тексте.

В целом, выражение эмотивности на фонетическом уровне в письменных текстах довольно условно, так как осуществляется полная компенсация с помощью средств других уровней языка. Данное явление удалось проследить в художественных текстах разносистемных языков – английского, французского, эвенкийского и удмуртского.

Специфическое звуковое оформление речи, например, эмоциональные вокализации, зачастую выражены с помощью междометий или графических маркеров. Так, в удмуртском художественном тексте используются такие сложные междометия, как *ыш-ыш-ыш* (бр-р-р) для выражения ощущения холода или *õб-õб-õб* (ой-ой-ой) для выражения ощущения боли, встречается также и графическое обозначение фонетических особенностей речи, например, «Эх, нылы-ы!» [7, стр. 9] (Эх, дочка-а!), «А-а-а!» [7, стр. 9] (А-а-а!). В произведении эвенкийского автора встречается следующее оформление речи - «Со о-к-то-ов би-и-с-и-нн-и-и!» [4, стр. 17] (Пь-пьян-н-ный!). Графическим разделением слов в данном примере имитируется несвязная прерывистая речь сильно опьяневшего и разъяренного человека. Во французском произведении автор также прибегает к использованию междометий и графического выделения отдельных фрагментов, например, для более яркого эмоционального выражения смеха одного из героев «*Haahaaaaa!*» [10, р. 76] (Ха хахаааа!), или для подчеркивания зависти одного из персонажей к популярности художника, выраженной в ироничном исполнении песни: «*J'aurais voulu être un artiiiiiste. Pour avoir le monde à refaire. Pour pouvoir être un anarchiiiiiste. Et vivre comme un millionnaire!*» [10, р. 77] (Я хотел бы быть худооооожником. Для того, чтобы мир переделать. Чтобы можно было быть анархiiiiистом. И жить, как миллионер!). Автор графически выделяет отдельные слова, произнесенные нараспев, чтобы подчеркнуть насмешливый характер высказывания. В англоязычном тексте также встречается некоторое количество примеров, иллюстрирующих интонационное оформление и индивидуальные особенности речи героев: *Albadadda* как имитация детского произношения, почтительного и в то же время ласкательного обращения к дедушке (Albert + *dadda* (от уменьшительно-ласкательного *daddy*)) или выражение крайней степени удовлетворения с помощью служебного слова «*Yesssssss!*» [11, р. 25] (Дааааааа!). Графическое оформление речи может использоваться, в том числе, с целью имитации индивидуальных особенностей произношения, акцента: «“*Figures look pretty gut,*” said Lothar in a neutral tone» [11, р. 5] (“Цифры достаточно хорошие” сказал Лотар нейтральным тоном). Подчеркнутая сдержанность в выражении эмоций реализована с помощью использования немецкого *gut* [gut], более сухого и краткого в произношении, чем английское *good* [gu:d], что в данном случае имеет своей целью не выразить эмоции, а скрыть их, продемонстрировать национальную особенность, заключающуюся в сдержанности и осторожности в выражении эмоций.

Интонация и просодия могут также выражаться графическим выделением элементов текста через изменение шрифтов, использование кавычек, восклицательных или вопросительных знаков либо использованием нетипичных для конкретного языка синтаксических структур: в эвенкийском произведении «Экунди тэли илэ мевандуви бэлэден?» [4, стр. 6-7] (У какого человека тогда сердце не затревожится?), «нюңиңи» [4, стр. 14] («начальник», ироничное прозвище используется для выражения пренебрежительного отношения), «Умика бисим!» [4, стр. 16] (Я пьяный!), в

английском произведении «He had no idea, *no idea*, of the burden actually involved in looking after the children and running the house» [11, p. 8] (У него не было никакого представления, *никакого представления*, о тяготах, которые несут в себе уход за детьми и ведение хозяйства), «The charity supplied food to it's "clients" – that was the word – but could not, legally, pay them» [11, p. 24] (Благотворительная организация предоставляла еду своим «клиентам» - такое слово использовалось – но не могла законно давать им деньги), «But...what...it isn't...contribution, billions...fundamentally not fair...when I think of what I've done...basic pay...not a question of greed but of necessary...» [11, p. 25] (Но... что... это не... содействие, миллиарды... принципиально несправедливо... когда я думаю о том, сколько сделал... просто зарплата... не вопрос жадности, но необходимой...), франц. «*Simplement plombiers promettait le respect des traditions artisanales de la "haute plomberie"*» [10, p. 13] (*Просто сантехники* обещали соблюдение ремесленных традиций «высокой сантехники»). Приведенные примеры наглядно подтверждают, что реализация фонетического выражения эмоций осуществляется с помощью активного использования средств синтаксического уровня, а именно, парцелированных и эллиптических конструкций, также с помощью разделения участков текста с помощью тире и многоточия.

Одним из способов демонстрации интонационного выражения эмоциональных состояний может считаться использование звукоподражательной и описательной лексики. Громкий, раздражающий характер звуков может передавать нервное напряжение героев, например, в произведении английского автора «Capital» одна из героинь суетится и гремит посудой на кухне, готовя завтрак для своей смертельно больной матери: «She **banged** and **crashed**, she left the radio on turned up loud wherever she went; even the Hoover seemed to make more noise when she was using it. Now she was, Petunia knew because it was eleven o'clock, **slamming** cupboard doors, **rattling** saucers, **banging** a tray down on the table, and **thumping** the kettle down on the worktop, all by way of making herself and her mother a cup of tea» [11, p. 32] (Она стучала и грохотала, она оставляла громко включенное радио, куда бы ни пошла; даже пылесос, казалось, работал громче, когда она его использовала. Теперь она, Петунья знала это, потому что было уже одиннадцать часов, хлопает дверцами шкафа, гремит блюдами, стучит подносом, ставя его на стол, с грохотом ставит чайник на столешницу готовя чай себе и своей матери).

Достаточно часто встречаются случаи, когда подобная лексика косвенно выражает эмоции с использованием описания, указания на характер высказывания (лексикологическая фонетика) [6]. В анализируемых текстах встречается достаточное количество подобных примеров: «“Je...” emit-il d'une voix croassante, meconnaisable» [10, p. 70] («Я...» каркнул он неузнаваемым голосом), «“Fuck!” shouted Roger» [11, p. 29] («Черт!» крикнул Роджер), «“Тэгэтчектын надаллая тырганила!” – аламачатын Митэ тэпкэнмэн» [4, стр. 22] («Неделю здесь будете!» - еще раз взревел Митэ), «- Дак...кылыным сэрен... - җазырес вазиз Нюралэн анаез» [7, стр. 11] (- Так... из-за языка... - хрипло сказала мать Нюры).

Несмотря на крайнюю условность выделения фонетического уровня при анализе эмотивных текстов, следует отметить, что авторы всех анализируемых произведений достаточно активно стремятся репрезентировать эмоции посредством иллюстрирования интонационного оформления речи героев. Тем не менее, учитывая эмотивную компенсацию с помощью средств других языковых уровней, а именно фактическое выражение эмоций на синтаксическом и лексическом уровнях, было бы целесообразно

относить к средствам фонетического уровня использование графического оформления прямой речи (так как фонетика связана, прежде всего, с устной речью), в том числе отдельных лексических единиц, а также использование звукоподражательной лексики в качестве экспрессивного средства, косвенно выражающего эмоции, и оказывающего воздействие на реципиента.

При подобном подходе, фонетический уровень оказывается не самым продуктивным в плане выражения эмоций, независимо от особенностей внутренней структуры языка. В художественных текстах анализируемых языков фонетические средства составляют крайне малый процент от общего количества средств, использованных для выражения эмоций – от 0,2% до 1%. Данные результаты говорят, прежде всего, о трудностях, связанных с адекватной передачей фонетических реалий в письменном тексте, что вынуждает авторов прибегать к другим способам реализации эмотивной функции. Таким образом, происходит эмотивная компенсация, или перераспределение средств выражения эмотивности в пользу более наглядных и эффективных в условиях применения в письменном тексте.

Список литературы:

1. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: учебное пособие. Москва: Высшая школа. 1990. 175 с.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Монография. М.: Наука, 1981. 140 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1970. – 767 с.
4. Калитин Н. Р. Бултамни = Охотник. Красноярск: Фонд северных литератур «Хэглэн», 1993. 54 с.
5. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: Учебн. пособие - Мн.: Вышш. шк., 1997 - 157 с.
6. Павлючко И. П. Эмотивная компетенция автора художественного текста (на материале произведений Г. Гессе): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 185 с.
7. Перевошиков Г. К. Шелеп: Повестьёс, верос; Жестокосердие: Повести. Трилогия /Пер. с удм. Вл. Емельянова. Ижевск: Удмуртия, 2004. 464 с.
8. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66-71.
9. Чупракова Е.В., Попович Е.С. Особенности репрезентации категории эмотивности в английском публицистическом тексте // Общество и право. Краснодар, 2014. №2 (48). С. 336-340.
10. Houellebecq M. La carte et le territoire. Paris, Flammarion. 2010. 428 с.
11. Lanchester J. Capital. London, Faber & Faber. 2013. [Электронный ресурс]: http://booksafe.net/book/lanchester_john-capital-231500.html (дата обращения: 25.02.2017).